

Конститутивная синтаксическая единица

В заглавии статьи назван один из ключевых, на наш взгляд, вопросов синтаксической науки, ответ на которые составляет непереносимое условие для построения адекватной и последовательной теории синтаксиса. Необходимость исходного понятия, единицы, которая стала бы первоэлементом возводимой исследователями системы синтаксиса русского языка, очевидна при любом концепционном подходе к предмету. Трудно допустить, что язык не располагает такой единицей, строя свои синтаксические конструкции, гибкие и многообразные по форме и смысловому назначению, по степени элементарности и усложненности. В то же время в синтаксических руководствах, излагающих правила построения словосочетаний, предложений, конструкций, описывающих типы подчинительных связей и т. д., недостает ясности в вопросе о том, из каких единиц строятся конструкции, какие единицы вступают в связь.

Центральный элемент языкового механизма – слово, признаваемое во многих лингвистических построениях за единицу разных языковых уровней, само по себе не отвечает требованиям синтаксической единицы. Известно, что принятая большинством лингвистов стратификационная модель языковых уровней содержит непреодоленную непоследовательность. “В функциональном отношении слово занимает промежуточную позицию, что связано с его двойственной природой. С одной стороны, оно разлагается на фонематические единицы низшего уровня, с другой – входит как значащая единица вместе с другими значащими единицами в единицу высшего уровня”, – пишет один из основателей уровневой концепции Э. Бенвенист [1, с. 133]. Реализация принципа идентификации единиц каждого уровня как составных частей единицы более высокого уровня встречает затруднения при синтаксическом описании: “Труднее поддаются определению отношения между словом и предложением, – признает далее Э. Бенвенист. – Предложение реализуется посредством слов. Но слова не просто отрезки предложения. Предложение – это целое, не сводящееся к сумме его частей” [1, с. 133].

Действительно, слово и предложение не вступают в отношения части и целого: предложение не составляется непосредственно из слов как из конститутивных элементов и не разложимо непосредственно на слова. Слово не располагает признаками синтаксической единицы, по которым оно может быть идентифицировано и соотнесено с другими единицами того же синтаксического ряда.

Существующие представления об отношениях между предложением и словом сводимы в основном к двум концепциям. Согласно одной из них, коммуникативная потребность человека реализуется прежде всего в поисках необходимой синтаксической схемы предложения, которая затем наполняется лексически. Исследователи справедливо упрекают сторонников этой концепции в недооценке номинативного аспекта речевой деятельности. В свете другой концепции отправной точкой речевого акта служит номинация компонентов, “участников” ситуации, о которой идет речь, и результатом является предложение, понимаемое, в свою очередь, как номинация ситуации или события. Слабость номинативной концепции в том, что она размывает границу между двумя различными видами речевой деятельности – между номинацией и коммуникацией, между такими их продуктами, как, например, *рашификация договора парламентом* и *Парламент ратифицирует договор*. В каждой из этих конструкций можно видеть номинацию события, но первое составляет собственно наименование события, а вторая – сообщение о событии, иными словами, в качестве коммуникативной единицы выступает лишь вторая, обладающая свойством предикативности.

Признавая, что номинация, обозначение компонентов ситуации, является исходным условием построения предложения, следует выяснить вопрос о языковых средствах номинации этих компонентов. “Осмысленность – это основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус” [1, с. 32]. Но значение, которым должна обладать синтаксическая единица, – это не только

номинативное, референтное значение, обращенное к миру предметов, это еще и структурно-смысловое значение элемента языковой системы на синтаксическом уровне, отграниченного от других синтаксических элементов и сопоставленного с ними.

Слово-лексема располагает первым из этих значений, но лишено второго. Оно соотносится с другими словами как с лексическими единицами в пределах своего уровня, но не имеет различительных признаков синтаксической единицы. Не лексеммы соотносятся в значимых оппозициях синтаксической системы, не лексеммы определяют тождества и различия синтаксических конструкций. В свою очередь, референтное значение слова-лексемы объединяет три ступени абстракции:

а) индивидуально-лексическое значение, отличающее данное слово от всякого другого (*дом, дед, дождь* в лексической системе обозначают любой дом, любого деда, любой дождь; в конкретно-речевом предложении референтом этих имен может быть единичный предмет или явление: *этот дом, этот дед, этот дождь*) [2, с. 20–24];

б) категориально-семантическое значение – значение данного предмета как представителя подкласса конкретных неодушевленных предметов, либо подкласса лиц, либо подкласса явлений природы и т. п.;

в) общеграмматическое значение класса слов – той части речи, в которую входит данное слово [3, с. 166]. Референтное значение слова-лексемы служит материалом для преобразования его в синтаксическую единицу, но только материалом.

Средствами именованности компонентов предложения, звеньями синтаксической цепи, которыми становятся единицы, только вступая в отношения с другими звеньями, оказываются не слова-лексемы, а слова-синтаксеммы. Двусмысленность термина *слово*, обозначающего и лексическую единицу и сегмент синтаксической цепи, отмечалась рядом исследователей. Ср., например, слово-тип и слово-член у А. М. Пешковского, парадигматическое слово и синтагматическое слово у А. А. Зализняка (из последних работ см. [4; 5, с. 82]).

Понятие синтаксической формы слова как первичной синтаксической единицы и опыт функциональной типологии этих форм предложен автором в прежних работах [6; 7]. Термин *синтаксема* принят в настоящей работе для того же понятия [8]. В связи с обоснованием этого понятия возникает необходимость рассмотреть некоторые теоретические аспекты вопроса.

Термин *словоформа* или *форма слова* в последнее время часто употребляется в значении языковой единицы. Так, Ф. Данеш и К. Гаузенблас (в своем докладе на советско-чехословацком симпозиуме по теории грамматики) постулируют “уровень словоформ” между уровнями морфем и предложений; “словоформа” или “форма слова” фигурирует в докладах и выступлениях О. Лешки, Н. Д. Арутюновой, Т. П. Ломтева, И. С. Мельчука и др [9]. Вместо с тем грамматическое содержание этого понятия, ориентированного на морфологический показатель, не уточняется. Неопределенность ступени грамматической абстракции обнаруживается и в возможности пренебречь морфологическими показателями. Так появляется “словоформа косвенного падежа (N₂...)”, не характеризующаяся, естественно, ни единой морфологической формой, ни единой семантикой, ни единой синтаксической функцией [10]. В последнем университетском учебнике по синтаксису форма слова признана объектом синтаксиса, но не синтаксической, а высшей морфологической единицей [11, с. 5–6]. Очевидно, что соотношение слова и формы слова, слова-лексемы и слова-синтаксеммы требует еще пристального внимания.

По-видимому, преобразование лексеммы в синтаксемму предполагает два этапа:

1) отвлечение категориально-семантического значения от индивидуально-лексического, или, точнее, поднятие индивидуального значения на категориальную ступень;

2) фиксацию одной из морфологических форм, данных слову как представителю той или иной части речи.

Взаимодействие семантики и морфологии создает языковую единицу с определенными синтаксическими потенциями, обуславливающими ее возможные отношения с другими звеньями синтаксической цепи. Иными словами, и силу тех качеств, которые получает синтаксема в результате соединения усилий семантики и морфологии, она приобретает способность вступить в тот или иной тип словосочетания или предложения.

Это соотношение слова-лексемы и слова-синтаксемы, если условно трактовать его как процесс, можно рассмотреть и в обратной последовательности. Отвлеченное от множества однородных лексем, категориально-семантическое значение в данной морфологической форме может фигурировать в представлении о системе языка как виртуальная единица со своими потенциальными возможностями участия в определенных синтаксических конструкциях, которая затем реализует свои потенции с индивидуально-лексическим “наполнением” в построении конкретного высказывания.

Надо полагать, что понятием “лексического наполнения” синтаксических схем и моделей можно корректно пользоваться только в том случае, если осознается взаимная обусловленность “схем” и “наполнения”: схемы не безразличны к наполнению, они как понятия, принадлежащие плану теоретических конструктов, своим существованием обязаны этому наполнению, они и абстрагированы от множества однородных “наполнений”, представляющих план языковой реальности. Адекватность моделей (их соответствие синтаксической реальности), будь то модели предложений или словоформ, обеспечивается категориально-семантическим уровнем, им определяются границы подкласса, в пределах которого сохраняется “свобода наполнения” без изменения структурно-смыслового существа модели (ср. *Ключ – в двери* и *Ключ – в координации*, *Дом – под горой* и *Дом – под наблюдением*).

Итак, в конкретной реализации синтаксемы снова становится необходимой та часть значения слова – индивидуально-лексическая, от которой мы отвели значение категориально-семантическое. Вряд ли обязателен особый термин для обозначения конкретной реализации синтаксемы (*resp.* морфема – морф, фонема – аллофон). Констатируем, что структурно-семантическое значение синтаксемы – абстракция, органически соединяющая конкретное и обобщенное.

Синтаксему, таким образом, принимаем за конститутивную синтаксическую единицу русского языка, полагая ее различительными признаками:

- 1) категориально-семантическое значение,
- 2) соответствующую ему морфологическую форму и
- 3) вытекающую из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях.

Рассмотрим, как материально формируется категориально-семантическое значение синтаксемы.

Надо заметить, что в понятие лексического значения слова названные выше три ступени абстракции входят нераздельно. Едва ли можно принять утверждение, что при синтаксической деривации сохраняется тождество лексического значения слов, принадлежащих к разным частям речи [12, с. 185]. Не могут быть лексически тождественными слова с разными категориально-семантическими значениями: предмета (*лес*) и признака (*лесной*). Очевидно, что в таких случаях правомерно говорить лишь о тождественности производящей основы. Если же, вслед за Е. Куриловичем, разграничивать явления, относящиеся к синтаксической деривации и к лексической деривации (ср. *лесной – лесистый*, *глазной – глазастый*), то можно констатировать в этих случаях различный информативный объем производной основы по отношению к производящей и с этой точки зрения разграничить функциональные типы суффиксальных морфем: в рамках “синтаксической деривации” суффикс *-н-* выражает лишь отношение признака к предмету, названному в производящей основе, в рамках “лексической деривации” – суффиксы *-ист-*, *-аст-* и подобные, кроме отношения признака к предмету, выражают еще и некоторую характеристику этого признака. Более позднее примечание Е. Куриловича к его работе “Де-

ривация лексическая и деривация синтаксическая” существенно корректирует систему понятий: “Сегодня вместо лексическая : синтаксическая автор предпочел бы употребить термины с е м а н т и ч е с к а я : с и н т а к с и ч е с к а я” [13, с. 571].

Категориальное значение слова выражается его морфемным составом.. Значит, уже в морфемах заложено в большей или меньшей степени категориальное значение той синтаксической единицы, интегрантами которой они выступают. Например, *звон* – глагольная основа, в чистом виде служащая именем действия, вступая в связь с морфемами разных видов, дает лексемы разнообразных категориальных значений, которые вместе с тем сохраняют в качестве мотивационной основы отношение к названному действию: действия – *звонить*, однократного действия – *звонок*, предмета по его функции – *звонок*, признака – *звонкий*, лица по его действию – *звонарь*, *звонящий* и др. *Сапог* – именная основа, в чистом виде служащая именем предмета, с разными морфемами дает лексемы иных категориальных значений, но сохраняющих мотив анионную основу – отношение к названному предмету: признака – *сапожный*, лица – *сапожник*, его действия – *сапожничать* и др.

Очевидно, что даже в пределах одной части речи синтаксические ролевые функции слов с различным категориальным значением (*звон*, *звонок* (дверной) и *звонарь*) не совпадут. По в какие именно синтаксические конструкции они вступят в качестве единиц, интегрантов, станет известно только тогда, когда будет фиксирована определенная морфологическая форма и лексема войдет в парадигму коррелятивных с ней синтаксем.

Так, имена с личным значением в дательном падеже *звонарю*, *сапожнику*, *директору* и т. п. получают статус свободной синтаксемы со значением адресата, реализующейся в перечислимых синтаксических условиях (*Директору. Писать директору, записка сапожнику, платит сапожнику*), либо статус обусловленной синтаксемы со значением носителя состояния, реализующийся в позиции предизируемого компонента модели (*Звонарю весело, Сапожнику не спится, Директору не до шуток*). О том, что это разные, омонимически совпадающие по форме, но различающиеся по функции синтаксемы, свидетельствует тот факт, что в свободной, изолированной позиции (заголовок, адрес) личное имя в дательном осмысляется только как адресат, но не как субъект состояния, последнее значение несвободно, а обусловлено составом соответствующей модели. Показательно, что в этих синтаксических функциях, в этих моделях не участвуют имена конкретно-предметные и отвлеченные.

В форме творительного падежа личные имена функционируют как обусловленные синтаксемы с агентивным значением в определенных¹ конструкциях (*Сапоги сшиты хорошим сапожником, Подписание приказа директором*), эти функции также не свойственны именам предметным и отвлеченным. В свою очередь предметные имена в творительном падеже функционируют как свободная, но преимущественно приглагольная форма со значением орудия действия (*Своими руками. Топором и долотом. Ударить сапогом, звонком, но не *звонарем, *сапожником*).

Итак, материально синтаксема создается своими конститутивными элементами, идентифицируется же она в качестве синтаксической единицы в ряду синтаксических элементов в их отношениях между собой и к целому – предложению.

Чтобы уточнить понимание синтаксических свойств синтаксемы, необходимо вспомнить, что ряд ученых различают в структуре слова или словоформы номинативные элементы значения и синтаксические элементы значения. Номинативные (несинтаксические) значения “называют” предметы, признаки, отношения внеязыковой действительности, синтаксические значения отражают способность слова вступать в определенные синтаксические связи. Так, например, анализируя с этой точки зрения значения словоформы *домиком*, А. А. Зализняк выделяет в ней пять номинативных элементов (предмет неодушевленный, предмет определенного вида, нечто маленькое, один предмет) и шесть синтаксических (выявляющихся в синтаксических связях значений: существительного, муж. рода, неодушевленного, ед. числа, подчиненного падежа, подчиняющего падежа) [14, с. 22-24].

Можно ли считать перечисленные синтаксические элементы значения синтаксической характеристикой этой конкретной словоформы или словоформы как типа? Если взять ряд аналогичных словоформ, располагающих теми же синтаксическими значениями, дает ли это основание утверждать, что их синтаксические возможности одинаковы? Сравним, например, словоформы *домиком*, *плотником*, *стуком*. В них выделяются те же “синтаксические значения”, с одним только расхождением между *домиком* и *плотником* в категории неодушевленности/одушевленности. Аналогичны их подчиняющие способности, ср. *летним домиком*, *старым плотником*, *резким стуком*. Очень ограничены их совпадения в подчиненной позиции: *доволен домиком*, *плотником*, но: *стуком*? Дальше их конструктивные возможности значительно разойдутся.

Ср. *Ворота поставлены плотником* (но не * *домиком*, * *стуком*)

Работал плотником (но не: * *домиком*, * *стуком*)

Стуком разбудил соседей (но не: * *домиком*, * *плотником*). Разойдутся слова *домик*, *стук*, *плотник* и в других падежных формах: *Плотнику жарко* – не * *домику*, * *стук*; *У плотника заботы* – не * *у стука*, * *у домика*; *В домике шумят* – не * *в плотнике*, * *в стуке* и т. д.

Очевидно, то, что называется “синтаксическими элементами значения” слова не равно понятию его синтаксических возможностей.

Какими же элементами значения данных слов или их словоформ определяются выявленные расхождения? Определяются они различиями категориально-семантических значений этих слов, тем, что слово *домик* (и его словоформа *домиком*) представляют подкласс имен с предметно-пространственным значением, *плотник* – подкласс личных имен, *стук* – подкласс отглагольных имен со значением действия. Этот уровень, или элемент значения, не отмечен среди номинативных элементов в перечне А. А. Зализняка в силу иной целенаправленности его анализа, но с точки зрения наших целей этот элемент значения играет первостепенную роль. Границы семантического подкласса (то более, то менее широкого) для компонента определенных моделей непреходимы. Свобода лексического выбора для “заполнения” позиции данного компонента остается лишь в пределах данного подкласса.

Существует мнение, что синтаксические значения слову вне конструкции предложения не свойственны, что эти значения присущи лишь словам, занявшим ту или иную позицию в предложении [15, с. 77]. Очевидно, однако, что не всякое слово способно занять любую позицию в любом предложении, и лингвист не может не задаваться вопросом, от чего это зависит. Как становится ясно, возможность занять данную позицию обусловлена соответствующей способностью того или иного разряда слов. Поэтому значения, которые приписываются иногда самим позициям, являются результатом абстракции от множества словоформ определенного категориально-семантического подкласса, встречающихся в данной позиции данной конструкции. Само понятие “синтаксического значения” предстанет в дифференцированном виде: как виртуальная способность слова, словоформы к определенному типу синтаксического функционирования и как актуальная реализация этой способности.

К синтаксической характеристике синтаксем имеет отношение еще один обсуждаемый в последнее время аспект проблемы. Помимо трех названных уровней абстракции выделяют еще ономазиологическое категориальное значение “предметность – признаковость”, место которого по отношению к остальным уровням требует выяснения.

Одна из точек зрения на вопрос заключается в том, что значение “предметность – признаковость” стоит над общеграмматическим, “частеречным” уровнем, задавая распределение частей речи на предметные имена (существительные) и признаковые имена (прилагательные, наречия и глаголы) [10, с. 51, 01–63].

Другой взгляд на вопрос предполагает, что предметные и признаковые имена могут быть разграничены и в пределах класса существительных, па основании категориальной

семантики и словообразовательных связей (см. примеры *прыгун, весельчак* [16, с. 170], *белизна, беготня* и т. п.).

Выявление конститутивной единицы синтаксического уровня показывает, что значение предметности или признаковости в одних разрядах слов задается частеречным или категориально-семантическим уровнем, при этом слова признаковые (*холод, дождь, чистота, беготня, сонливость*) в разных синтаксических позициях выступают только с признаковым, а не с предметным значением, чаще всего в качестве предиката в первичной модели (*На дворе холод, дождь, В комнате чистота*), либо во вторичной, полипредикативной в качестве каузатора (*Холод и дождь наводят тоску, Чистота радует глаз*). В других разрядах, например в подклассе предметных имен, значение предметности или признаковости определяется только на уровне синтаксем, поскольку часть синтаксем от одного и того же слова выступает с предметным значением, часть – с признаковым. Подразделение именных {падежных и предложно-падежных} синтаксем на предметные и признаковые (ср. *олова, пуговицу, пуговицей, плотнику – из олова, с пуговицу, без пуговиц, в плотниках* и т. п.) отражает неспособность/ способность синтаксемы функционировать в субъектно-объектных позициях, либо в атрибутивно-предикативных.

Таким образом, в соответствии с категориальной семантикой и ситуативной ролью денотата, компонент будущего предложения предстает в одной из морфологических форм, предназначенной для определенной позиции в модели, которая отображает тот или иной тип отношений внеязыковой действительности. Процесс преобразования исходного лексемного материала в синтаксические единицы заключается в приведении в единство трех характеристик этих единиц: категориально-семантической, морфологической и функционально-синтаксической.

Возникает вопрос о взаимном соотношении этих характеристик.

В свое время А. С. Чикобава указал на неправомерность грамматической формулировки, утверждавшей, что имена в русском языке обладают “грамматическими категориями рода, числа и падежей” в силу того, что они обладают значением предметности. “Специалисты как будто единодушны в том, что одинаковые лексические значения не гарантируют наличия одинаковых грамматических категорий не только среди различных языков, но даже на различных этапах одного и того же языка” [17, с. 60].

Известны языки, в которых имена существительные не обладают морфологическими категориями рода, числа, падежа, глагол в ряде языков не изменяется по лицам и числам. Известно наличие в русском языке неизменяемых существительных, морфологические значения которых выявляются не из формы, а из их синтаксической позиции. Набор морфологических категорий той или иной части речи не обусловлен ее семантикой, но в сознании носителя данного языка привычно связан с ней. “Лексические значения подводятся под грамматические категории”. Поэтому “определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова” [18, с. 15].

Но грамматическая характеристика – это не только морфологические категории. Что же касается синтаксических характеристик, то сказанное здесь (и ниже) показывает ведущую роль категориальной семантики слов (на уровне подклассов частей речи) в определении синтаксических позиций, в которых функционируют слова этих подклассов.

Даже по отношению к тем языкам, где различия в составе компонентов предложения не выражены флективными средствами, неверно было бы говорить об отсутствии грамматических показателей различий между категориально-семантическими подклассами слов, способных занять те или иные синтаксические позиции в разных моделях предложений.

Если взять наборы имен существительных русского языка, которые представляют собой названия компонентов ситуаций, понятных в силу категориального значения имен (*Лыжники, скольжение, склон, крутизна; Белизна, хлопья., кружение, воздух; Смуглость, девушка, чтение, книга* и т. п.), неформальность их связей не может быть препятствием к

восстановлению этих связей: положением репрезентируемой словом категории в системе объективно существующих категорий определяется позиция слова (оформленного согласно грамматическим условиям данного языка) в системе моделей предложения (ср., например: *Белые хлопья кружатся в воздухе, Хлопья немыслимой белизны совершают, кружение в воздухе* и т. п.). Знаменитая фраза Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* обладает содержанием именно на уровне категориально-семантическом, который обеспечивает однозначный состав ее компонентов, не допуская толкования *глокой куздры* как *горькой обиды* или *глупой записки* или другого понятия за пределами подкласса живых существ.

Сказанное подтверждает, что синтаксические возможности слова обусловлены прежде всего его категориальной семантикой. Именно поэтому, видимо, “основные синтаксические функции частей речи для большинства, а может быть, и для всех языков, одинаковы” [19, с. 77].

От морфологических категорий данного языка, данной части речи зависят способы оформления семантико-синтаксических отношений. Этим, по-видимому, объясняется и тот факт, что “синтаксические признаки частей речи гораздо более устойчивы и постоянны, чем морфологические, и меньше изменяются от языка к языку” [19, с. 77].

В свою очередь, набор морфологических форм для выражения того или иного синтаксического значения также зависит от характера лексической, семантики. Так, среди локативных синтаксем от слов *поле, море* в их конкретно-пространственном значении имеются по две формы предложного падежа (если считать предлог, вслед за А. А. Шахматовым и Е. Куриловичем, служебной морфемой в составе предложно-падежной формы имени): *в поле, в море, на поле, на море*; в переносном или отвлеченном значении эти слова дают только одну форму: *в житейском море, в поле зрения, в магнитном поле* и т. п.

Полисемичные имена часто реализуют разные свои значения в разных синтаксемах. Ср. *снег, град* (1) как процесс и (2) как вещественный результат процесса (значения, кстати, не разграничиваемые словарями). В синтаксемах *во время снега, до снега, в снег* реализуется первое значение, в синтаксемах *из снега, со снега, снегу, на снегу, по снегу, в снегу* – второе значение. При совпадениях перед нами – омонимия синтаксем, которая разрешается возможностью/невозможностью сочетания имени 'С прилагательным, называющим признак предмета, но не процесса, ср.: *выехали в снег – бросился в пушистый снег, шли под снегом – обнаружили под смерзшимся снегом* [20, с. 30–38].

Предметно-пространственное значение слова *дорога* реализуется в синтаксемах *на дороге, у дороги, при дороге, за дорогой, над дорогой* и некоторых других, отвлеченно-процессуальное значение – в синтаксемах

• *в дорогу, в дороге*; в формах *дорогой, по дороге, на дорогу, с дороги* совпадают омонимические синтаксемы (*упал на пыльную дорогу – испекла пирожок на дорогу, шли по проселочной дороге – по дороге разговорились*). Ср. примеры из стихотворений А. Ахматовой:

I. Муза ушла по дороге, Осенней, узкой, крутой; В доме, у дороги непроезжей, Надо рано ставни запирать;

II, Как я пела обратной дорогой О моем несказанном веселье; Они летят, они еще в дороге, Слова освобожденья ж любви; Давно мне пора в дорогу, Я только тебя поджидал; ср. еще: Дорогой и скажешь (И. Бунин).

“Проблема взаимодействия лексических и грамматических значений связана с изучением функций разных падежных форм имен существительных, дополнительных лексических оттенков, в них развивающихся в тех или иных условиях ...”, – писал В. В. Виноградов [21, с. 259], неоднократно привлекая внимание к семантическим изменениям формы слова в разных синтаксических условиях (см., например, [22]).

Возможно в связи с этим уточнить и отношения между существительным и его “лексическим дериватом” – уменьшительной формой, сформулированное Е. Куриловичем следующим образом: “Уменьшительная форма от данного существительного, так же как и

существительное, имеет ту же синтаксическую функцию, что и исходное существительное” [13, с. 63].

В полисемичном слове уменьшительный суффикс часто скрепляет его конкретно-предметное значение, устраняя возможность употребления его в расширенных и переносных значениях. Ср., например, *В доме (в домике)* пять комнат, чисто, уютно, живет молодая семья и т. д. Но: вести *дом*, править *домом* (в смысле 'хозяйство', не **домик*, *домиком*); *В доме* постоянные раздоры (в смысле в 'семье', 'среди жильцов', не **в домике*).

Известно, что в полисемичных глаголах можно разграничить значения акциональные (действия, движения) и неакциональные (различных, в том числе пространственных, отношений между предметами). Неоднократно отмечалось, что такие глаголы в неакциональном значении утрачивают видовую соотносительность и некоторые другие морфологические возможности (ср. *Машина спустилась, спускалась к морю – лестница спускалась к морю; Дети вышли, выходят в сад – Окна выходят в сад*).

Как в именах, так и в глаголах функциональная дифференциация синтаксем происходит внутри системы морфологических форм одного слова: личные формы глагола функционируют в предикативной позиции, неличные (инфинитив, причастие, деепричастие) – в иных позициях, в иных конструкциях. Приведем пример, свидетельствующий о необходимости различения глагольных лексем и глагольных синтаксем. В словарях за глаголом *работать* следует глагол *работаться*, с пометкой *безл.*, за глаголом *лежать* – *лежаться*, *сидеть* – *сидеться*, *жить* – *житься* и т. п. Нельзя не заметить, что глагол в вариантах на *-ся* резко отличается по своему статусу от своего коррелята без *-ся*. Глаголы *работаться*, *сидеться* и т. п. не имеют личных форм, не образуют ни причастий, ни деепричастий, ни императива, не имеют обычно соотносительной видовой пары, да и сама форма инфинитива, по традиции представляющая глагол в словаре, имеет ограниченную употребительность (см. *Мне не работается – Должно работаться*). Остаются временные варианты: *Мне не работалось – Не работается*. Отсутствие глагольных форм и категорий у подобных слов подтверждает догадку Л. В. Щербы, что, может быть, правильно было бы не считать безличные глаголы глаголами. Грамматическая квалификация безличных глаголов – это особый вопрос. Здесь же перед нами, по-видимому, все-таки не самостоятельные лексемы, а периферийные производные формы глагола, которые стоят особняком от глагольной парадигмы и представляют собой одну из синтаксем глагола, обусловленных единственной конструкцией, в которой они употребляются (*Мне работается, Ему не спится*), и предназначенных для выражения их специфического грамматического значения в предикативном сочетании с именной субъектной синтаксемой в дательном падеже. Такие формы – объект синтаксиса, а не лексикологии, и они должны занять соответствующее место в словаре синтаксем русского языка.

Наблюдения над соотношением категориальной семантики и морфологии в синтаксических единицах вызывают ряд вопросов, касающихся разграничения в слове формы и содержания, лексического и грамматического. Если отождествлять формальное с морфологическим, содержательное с семантическим, правомерно ли говорить о “разграничении в семантике слова лексического и грамматического значений”? Что понимать под морфологической структурой – словоизменительную или морфемную, словообразовательную структуру слова? Можно ли считать синонимичными, взаимозаменяемыми дефиниции а) формальное, морфологическое, грамматическое, категориальное и б) содержательное, смысловое, лексическое, индивидуальное, рассматривая а) и б) как две стороны знаковой сущности слова? [16, с. 5, 6, 9, 10]. В описании слова как лексической, единицы граница между лексическими значениями слова и его морфологической характеристикой обычно кажется ясной, вместе с тем привычно относить последнюю к грамматическим значениям. Эта ли граница разделяет две стороны слова, выражающие знаковое отношение?

Если справедливо полагать формой слова как знака его звуковую оболочку, звуковой ряд, как это, вероятно, и понималось Ф. де Соссюром, С. Карцевским, Е. Куриловичем и другими лингвистами [23, с. 295], а содержательную сторону видеть во взаимодействии

лексического и грамматического, закономерно ли отношения между звуковой формой слова и его значением возводить в принцип отношения между всякой языковой формой и ее значением, поскольку в данном случае означающее (звучание) немотивированно, а в других может быть мотивированным?

Каково соотношение означающего и означаемого в синтаксеме? В синтаксеме нет противопоставленности формально-грамматического и семантического, поскольку синтаксема как синтаксическая единица не формируется только словоизменительными (если так понимать формально-грамматическое) средствами. Оппозиция слов *корова/весна* демонстрирует общность грамматической формы и различие лексического значения, оппозиция словоформ *корова/коровой* – общность лексического значения и различие грамматической формы.

Но оппозиция синтаксем *коровой/весной* не сводима к сопоставлению по морфологическому или по лексическому признаку. В формировании синтаксемы *коровой*, представляющей ряд аналогичных синтаксем со значением одушевленного существа, агенса, реализуемым в страдательной конструкции, участвуют неразделимо категориально-семантическое значение подкласса одушевленных имен и флексии творит, падежа. В темпоральной синтаксеме *весной* также неотделимо от флексии творит, падежа категориально-семантическое значение временного отрезка. (Отвлечемся здесь от возможности омонимического совпадения разных синтаксем в формах *коровой*, *весной*, так же как от того факта, что и формы *корова*, *весла* могут рассматриваться с точки зрения их синтаксических потенций.)

Если падежная флексия вместе с категориально-семантическим значением некоторого множества слов формирует единицу, структурным значением которой становятся определенные синтаксические потенции, то можно ли эту единицу расчленить на форму и содержание, не разрушив сущности? Условия самого существования этой единицы состоят в мотивирующем друг друга взаимопроникновении элементов семантики и морфологии, так что наличие одних определяется наличием других.

Как видно, понятия “означающее” и “означаемое” в синтаксеме не совпадают с понятиями “формально-грамматическое” и “семантическое”. Уместно вспомнить мысль А. А. Потебни: “Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением” [24, с. 29], – перекликающуюся с утверждением Э. Бенвениста: “Форма и значение должны определяться друг через друга, и повсюду в языке их членение совместно” [1, с. 136].

Итак, в качестве синтаксической единицы со своим грамматическим значением слово-синтаксема выступает интегрантом, составной частью предложения.

Разновидности синтаксем образуют формально-содержательные классы, разграниченные и противопоставимые друг другу [6–8]. На основе функциональных свойств своего класса, вступая в предложение определенной структуры, синтаксема приобретает статус его компонента.

Каждое предложение, соответственно типу, который оно представляет, может рассматриваться и с точки зрения синтеза и с точки зрения анализа как одна из предсказуемых комбинаций синтаксем. Таким образом, недостающее у Э. Бенвениста звено системы можно восстановить. Только отсутствием в представлении Бенвениста собственно синтаксического звена как составной единицы предложения объяснима его интерпретация предложения как “образования неопределенного, неограниченно варьирующегося”, не принадлежащего к “языку как совокупности формальных знаков, распределенных по иерархическим классам, комбинирующихся в структуры и схемы” [1, с. 139].

Соотношение формы и функции в слове с точки зрения привычных представлений существует как соотношение части речи и члена предложения. Учение о членах предложения, в традиционном или модернизированных вариантах, остается основным инструментом анализа состава предложения. Восприятие этого учения как реализованной воз-

возможности описания синтактики средствами семантики [23, с. 351] идеализирует положение дел.

Известно, что роль категорий членов предложения в организации и описании его структуры давно вызывает сомнение синтаксистов. “Члены предложения не имеют непосредственной связи с содержанием мысли, они выражают лишь синтаксические (грамматические) функции слов в предложении и только через их посредство указывают на общие категории содержания”, – писали М. Докулил и Ф. Данеш в 1958 г. [25] (см. также [26]). Позднее к этому пришли и представители генеративной семантики (Филлмор, Лаков, Росс, Макколи).

Однако признание синтаксиса единственным уровнем языка, непосредственно связанным с выражением мысли, понимание предложения как средства формирования и выражения мысли, с одной стороны, и одновременно констатация того, что основные единицы членения и организации предложения – члены предложения – не имеют непосредственной связи с содержанием мысли – с другой, вступают в конфликт между собой. Тем самым утверждается представление о двойной, нецелесообразно расточительной системе синтаксических средств: можно подумать, что эти средства существуют для того, чтобы не выражать непосредственную связь с содержанием мысли и вместе с тем, чтобы каким-то окольным путем передать собеседнику содержание мысли.

Представляется, что соотношение частей речи и членов предложения как формы и функции слова в синтаксисе не имеет под собой достаточной основы, так как эти категории не детерминируют единой формальной или содержательно-функциональной характеристики синтаксического поведения слова.

Путь автономного изучения синтаксических членов предложений и семантических компонентов предложений, которым идут многие синтаксисты, избавляет их от вопроса о синтаксических средствах выражения содержания. Неизбежны поиски иных принципов представления синтаксической структуры, обещающих ответ на этот вопрос.

Выявление тех значимых компонентов, из которых конституируется предложение, привели лингвистов к наблюдениям над общностью словообразовательных и синтаксических структур. М. Докулилом был разработан анализ семантической структуры производных слов на основе ономазиологических категорий, таких, как носитель свойства, носитель отношения к действию, носитель предметного отношения и т. п. [27]. Как отмечается в другой его работе, компоненты словообразовательно мотивированного производного слова и семантико-синтаксические структуры имеют общую гносеологическую базу. Такие содержательные гносеологические (внеязыковые) категории, как деятель, объект действия, орудие действия, носитель состояния и т. п., отражаются как в словообразовательной, так и (опосредованно) в синтаксической системе. При помощи этих категорий можно обнаружить связи и корреляции между словообразовательными и синтаксическими явлениями и описать как структуру производных слов, так и семантическую структуру синтаксических конструкций [28, с. 215-224].

Эти идеи все более плодотворно разрабатываются в последние годы. Настойчиво подчеркиваются связи словообразования и синтаксиса, параллелизм их функций в производстве номинативных единиц, часто даже синонимичных, представляющих собой варианты именованного одного и того же денотата [29–35].

Соотношение синтаксиса и словообразования ждет дальнейших исследований. Гносеологическая общность содержательных категорий, обнаруживаемая в словообразовательных и синтаксических структурах, способность этих структур к синонимическим и вариативным взаимозаменам на базе содержательной общности вместе с тем требует внимания и к различиям.

Основное различие между словообразовательными и синтаксическими способами номинации обычно видят в том, что первые создают цельноформленные единицы (слова), вторые – раздельноформленные (словосочетания). Однако отношения между разными

способами номинации сложнее; следует, прежде всего, разграничить два вида “синтаксической номинации” или, точнее, два смысла, стоящие за этим термином.

В результате лексико-синтаксической номинации создаются раздельнооформленные единицы именованя: либо устойчивые сочетания, пополняющие лексемный материал (*белый гриб, зачетная книжка, дежурный по станции, вести переговоры* и т. д.– отвлечемся здесь от различий в степени устойчивости этих сочетаний, в характере зависимости и степени знаменательности их компонентов); либо свободные сочетания, воспроизводимые в речи по продуктивным языковым моделям (*строить голубятню, мост, города, считать звезды, кур, доходы, бояться сквозняков, неизвестности, рассчитывать на поддержку, продираться сквозь заросли, далекие звезды, твердо рассчитывать* и т. д.).

И устойчивые, и свободные сочетания, будучи именованьями простых или более сложных, расчлененных понятий, функционально подобны лексеме и, как лексема, располагают соответствующей совокупностью словоизменительных форм.

Синтаксическими же единицами и цельнооформленные и раздельно-оформленные единицы именованя становятся лишь благодаря второму виду синтаксической номинации, структурно-синтаксической, о которой и шла речь в данной статье.

Лексико-синтаксическая номинация использует синтаксические средства ради собственно номинации, структурно-синтаксическая номинация обращена на службу синтаксису, результатом ее становятся синтаксемы: виртуальные единицы с их функционально-синтаксическими потенциями – в системе первичных, конститутивных единиц синтаксиса, реализуемые в позициях компонентов определенных конструкций – в системе предложения. Через структурно-смысловые компоненты предложения, реализующие в акте предикации категориально-семантические значения синтаксем, язык и осуществляет возможность выразить содержание мысли на синтаксическом уровне.

Литература

1. Бенвенист Э. Уровни анализа.– В кн.: Общая лингвистика. М., 1974. .2. Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
3. Солнцев Л. М. Взаимодействие грамматики и лексики и понятие истинности конструкции.– В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967.
4. Creissels Denis. Sur la notion d'unité syntaxique.– Cahiers de linguistique slave. V. 2. 1976.
5. Creissels Denis. Unites et Categories grammaticales. Grenoble, 1979, p. 82 и др.
6. Золотоев Г. А. О синтаксической форме слова.– В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969.
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
8. Золотова Г. А. О “Синтаксическом словаре русского языка”.– ВЯ. 1980, № 4.
9. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие.– М., 1969.
10. Шведова Н. Ю. О синтаксических потенциях форм слова.– ВЯ, 1971, № 4.
11. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
12. Земская Е. А. Словообразование. М., 1973.
13. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
14. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1962.
15. Головин Б. П. К вопросу о парадигматике на уровнях морфологии и синтаксиса.– В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
16. Аспекты семантических исследований. М., 1980.
17. Чикобава А. С. Части речи как понятия филологической грамматики и как понятия описательного научного анализа.– В кн.: Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
18. Виноградов В. П. Русский язык. М.– Л., 1947.
19. Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании.– В кн.:

Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

20. *Ермакова О. П.* О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительных.– В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971.

21. *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии.– В кн.:

Виноградов В. В. Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

22. *Виноградов В. В.* О формах слова.– В кн.: Виноградов В. В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

23. *Степанов Ю. С.* Номинация, семантика, семиология.– В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

24. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Вып. 1 – 2, Харьков, 1978.

25. *Dokulil M., Danes Fr.* K pomeru mluvnicke a vyznamove stavby vety.– In: O ve-deckem poznani soudobych. jazyku. Praha, 1958.

26. *Зимек Р.* Соотношение словообразования и синтаксиса с точки зрения трансформационной грамматики.– *Ceskoslovenske pfednasky pro VII. nezinarodni sjezd slavistu.* Var-sava, 1973.

27. *Dokulil M.* Tvofeni slov v cestine, I. Praha, 1962.

28. *Dokulil M.* Zum Wachseseitigen Verhaltms zwiscnen>- Wortbildung und syntax.– *TLP*, I, 1964.

29. Словообразование и фразообразованне. Тезисы докладов на научной конференции. М., 1979.

30. *Земская Е. А.* Современный русский язык, Словообразование, М., 1973.

31. *Хохлачева В. Н.* Словообразование существительных в русском языке. Докт. дисс. М., 1976.

32. *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы ее описания. М., 1977.

33. *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке **и принципы** ее описания. М., 1977.

34. *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979.

35. *Кубрякова Е. С.* Семантика производного слова.– В кн.; *Аспекты семантических исследований.* М., 1980.